

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЙ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹

Систематизированное изучение народных примет (далее – НП), так же как и пословиц, поговорок и других паремиологических единиц начинается с XIX века, когда развитие отечественной и зарубежной паремиографии и паремиологии перешло на новый этап своего развития [Фаттахова, Кулькова 2013: 7-17], [Кулькова 2011а: 8-16], [Кулькова 2011б: 10-12].

Если ранее паремии подвергались лишь перечислению и классифицированию («Сборники Святослава», «Книга Пчела» Максима Исповедника, «Книга о всенародных пословицах», «Российские пословицы, собранные по алфавиту в Москве» А.Д. Янькова, «Собрание 4291 древних Российских пословиц» А.А. Барсова, Письмовник Н.Г. Курганова, сборник И. Богдановича, коллекции немецких пословиц Й. Агриколы, С. Франка и др.), то с начала XIX века паремии становятся объектом специального научного изучения (паремиологические сборники И.М. Снегирева, Ф.И. Буслаева, В.И. Даля, А.В. Смоленского, П.К. Симони, К.Ф. Агринского, И.И. Иллюстрова, А.С. Ермолова и др.). Среди перечисленных собраний паремий необходимо выделить паремиологические сборники, в которых народные приметы даются не вместе с пословицами и поговорками, а отдельно, становясь предметом специального собирания и изучения (например, коллекции примет А.В. Смоленского «Чувашские приметы о погоде и влияние их на хозяйство», 1895 г., К.Ф. Агринского «Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства», 1899 г., А.С. Ермолова «Народные приметы на урожай», 1905 г., А.Е. Бурцева «Народный календарь примет, обычаев и поверий на святой Руси», 1911 г. и др.).

Небезынтересно отметить более ранний период возникновения сборников народных примет в Германии. Одним из первых собраний немецких народных примет является так называемая «книжица о погоде» Райнманна («Wetterbüchlein»), возникшая в 1505 году и содержащая паремии, основанные на наблюдениях за природой. Другим известным сборником примет является «Крестьянская практика» («Bauernpraktik»), появившаяся в 1508 году и переиздававшаяся затем 34 раза. В 1592 году появляется календарь Йоханниса Колеруса «Calendario perpetuo», который также содержит приметы, касающиеся ведения домашнего хозяйства, земледелия и животноводства. В 1670 году издается «Вечный календарь» Гриммельсгаузена («Des abenteuerlichen Simplicissimi Ewigwährender Calender»). Наряду с различными приметами в книге содержатся описания языческих праздников, а также информация

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ 12-14-16021а и 13-14-16502г «Волжские земли в истории и культуре России-2013», проекты «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития», Международная научно-практическая конференция «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития».

исторического характера. Наибольшую известность получает «Столетний календарь» («Hundertjähriger Kalender») аббата Маурициуса Кнауэра, опубликованный в 1704 году и нашедший распространение не только в Германии, но и в Австрии, Чехии, России. Кнауэр вывел из 7-летнего цикла движения планет закономерности повторяемости погодных изменений через каждые сто лет, откуда и пошло название календаря – столетний.

Солидное собрание немецких народных примет представляет книга Айлерта Пастора «Мудрость немецких крестьян в метеорологических и сельскохозяйственных народных приметах» («Deutsche Dorfweisheiten in Wetterregeln und Bauernsprüchen») 1934 года, в которой содержится более 6000 примет.

Первое научное описание паремий в России представляют «Опыт рассуждения о русских пословицах» профессора Московского университета Ивана Михайловича Снегирева (1823 г.) и, в особенности, его многотомный сборник паремий. В частности, в сборнике содержатся не только заметки об историческом происхождении многих пословиц, но и пословичные толкования; паремии анализируются с точки зрения происхождения, связи с национальной культурой народа, функциональных и формально-семантических особенностей. Другими известными трудами И.М. Снегирева являются «Русские народные пословицы и притчи» (1948 г.), а также «Новый сборник русских пословиц и притчей» (1857 г.), содержащие свыше 10 000 пословиц, поговорок, народных примет и других паремий.

Исследовательскую работу И.М. Снегирева продолжил Ф.И. Буслаев. В своем сборнике русских пословиц и поговорок, а также в статье «Русский быт и пословица» [Буслаев 1861] он исследует природу и значение пословичных изречений в жизни народа; анализирует символическую составляющую пословиц, связывая полученные выводы с мифологическими воззрениями славян.

Последователем Ф.И. Буслаева стал его ученик – выдающийся мыслитель А.А. Потебня. В своем труде «Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка» А.А. Потебня исследует семантическую сущность пословицы, пути ее возникновения, уделяя особое внимание образной стороне пословицы.

Необходимо отметить и исследования по языку паремий выдающихся представителей Казанской лингвистической школы (КЛШ) – И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, Е.Ф. Будде, В.А. Богородицкого. Подробный анализ работ известных ученых по изучению языка фольклора представлен в статье Т.Г. Бочиной [Бочина 2003]. Мы остановимся лишь на отдельных аспектах трудов ученых КЛШ, значимых для изучения языка народных примет.

В частности, глава КЛШ, И.А. Бодуэн де Куртенэ, в своем предисловии к первому выпуску Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля, содержащего помимо пословиц и поговорок большое количество примет, отмечает, что «словарь Даля является не только одной из самых богатых сокровищниц речи человеческой, но кроме того сборником материалов для

исследования и определения народного склада ума, для определения миросозерцания русского народа» [Бодуэн де Куртенэ 1903: XI].

Н.В. Крушевский в своем труде «Заговоры как вид русской народной поэзии» (1876 г.) помимо анализа особенностей народных и литературных произведений уделяет внимание выявлению специфических черт произведений фольклора, обусловленных образным мышлением архаичного человека. В своих рассуждениях об особенностях первобытного мышления Н.В. Крушевский отмечает: «... имеется в виду *первобытное* миросозерцание народа, в котором они <особенности первобытного мышления> сказываются на каждом шагу и в котором их нельзя считать логическими заблуждениями, аномалиями мыслительного процесса, а напротив совершенно естественными результатами младенческого ума» [Крушевский 1876: 5-6]. В разъяснениях Н.В. Крушевского по поводу сходства между «первобытным умом» и «умом младенческим» можно почерпнуть важные мысли относительно психологической природы возникновения не только заговоров, но и примет, поверий, предсказаний погоды: «ум человеческий всегда склонен *смешивать наблюдение с выводом*. ... Повсюду в природе первобытный человек видит явления, он делает вывод, что это суть действия, смешивает этот вывод с наблюдением и убежден, что он видит повсюду действия. Действия предполагают разумного и свободно действующего деятеля, и вот первобытный человек повсюду в природе видит живых, одаренных разумом и свободой деятелей» [Крушевский 1876: 6]. Как отмечает Н.В. Крушевский, «размышляя и действуя, человек опирается на известные аксиомы, т.е. такие общие истины, которые по его взгляду неоспоримы и не требуют доказательства» [Крушевский 1876: 8]. Возникновение подобных аксиом выдающийся ученый объясняет следующим образом: «впечатления сходных черт целого ряда явлений, повторившись наибольшее число раз, получают наибольшую силу и вытесняют собой впечатления черт специальных, более слабые. ... Человек приходит к аксиоме, что *следствие должно походить на свою причину*. Процесс этот происходит бессознательно, начинаясь в безотчетном действе и теряясь в тысяче сходных случаев. Так слагаются в уме человека аксиомы» [Крушевский 1876: 9].

Выводы Н.В. Крушевского относительно происхождения устно-поэтических произведений были впоследствии развиты Е.Ф. Будде. В своей работе «Мифический элемент в русской народной словесности» (1885 г.) ученый вслед за Н.В. Крушевским продолжает исследовать символические элементы в фольклорных произведениях, рассматривая их под влиянием социально-исторических и психологических факторов в умственном развитии человека. Размышляя о роли природы в наивных представлениях древнего человека, Е.Ф. Будде отмечает, что первобытный человек находится «преимущественно в области природы и ее явлений: человека она более всего занимала и ставила от себя в зависимость» [Будде 1885: 8]. По утверждению Е.Ф. Будде, «природа была самым главным фактором в жизни человека: природа его учила и давала ему материал для образования логических понятий, она его развивала и воспламеняла его фантазию» [Будде 1885: 12]. Ярким

подтверждением высказанной мысли Е.Ф. Будде служит язык примет – сельскохозяйственных, метеорологических и некоторых суеверных.

Известна также публичная лекция В.А. Богородицкого «Психология поэтического творчества» (1900 г.), в которой ученый осмысляет произведения устно-поэтического творчества с психологической точки зрения, связывая сложный процесс творчества с ощущениями, из которых «слагаются» представления человека. В его рассуждениях угадывается попытка ответить на вопрос о причинах возникновения национально-специфического типа мышления, волновавший лучшие умы филологической мысли (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ): «В области ощущений сказываются индивидуальные различия в зависимости от разной тонкости наших органов чувств, а также различия по характеру воспроизведения, что конечно должно отражаться и на целом мышлении» [Богородицкий 1900: 4]. Указывая на знаковый характер языка, В.А. Богородицкий отмечает, что предметы и представления о них обозначаются специальными символами – словами, отражающими тесную связь «между представлением и его названием» [Богородицкий 1900: 6]. Здесь же талантливый ученый подчеркивает, что «представления и понятия в нашей жизни не являются в отдельности, но как звенья входят в цепь мысли. ... С нашим развитием видоизменяются и наши представления и понятия, подобно тому как такое же развитие совершалось в жизни народов и вообще человечества вместе с развитием культуры и цивилизации» [Там же].

В Германии научное изучение языка паремий представлено исследованиями епископа Иоганна Михаеля Зайлера, языковедов Георга Филиппа Харсдерффера, Юстуса Шоттелиуса, Кристиана Конрада Нопича. В частности, книга И.М. Зайлера «Уличная мудрость, или смысл и дух немецких пословиц» («Die Weisheit auf der Gasse, oder Sinn und Geist deutscher Sprichwörter», 1810 г.) представляет первое научное исследование пословиц. По его мнению, пословицы являются «ценными реликвиями мысли древних немцев». Книга К.К. Нопича «Литература пословиц» («Literatur der Sprichwörter», 1822 г.) является библиографическим описанием паремиологического фонда немецкого языка вплоть до 1820 г. Тем не менее, первые работы немецких ученых в области паремиологии не представляли еще обширных самостоятельных научных исследований, каким является, например, труд Фридриха Зайлера «Немецкая паремиология» («Deutsche Sprichwörterkunde», 1922 г.), представляющий научный обзор направлений паремиологии и оказавший впоследствии большое влияние на дальнейшее развитие мировой паремиологии. Так, в 1931 г. в Кембридже выходит в свет известная монография Арчера Тейлора «Пословица» («The Proverb»), а в 1957 г. – книга финского паремиолога Матти Куузи «Паремиологические заметки» («Parömiologische Betrachtungen»), в которой ученый высказывает важную мысль о необходимости выделения паремиологии в самостоятельную научную дисциплину с собственным арсеналом научных методов исследования паремий. В результате совместных усилий М. Куузи и А. Тейлора основывается

международный научный журнал «Proverbium», который издается в настоящее время под редакцией В. Мидера в Вермонте (США).

Среди паремиологических исследований конца XX-начала XXI вв., проводимых зарубежными учеными, необходимо отметить труды А. Дандиса [Dundes 1975], Л. Рериха, В. Мидера [Röhrich / Mieder 1977], [Mieder 1968], [Mieder 1989], [Mieder 2004], А.А. Крикманна [Крикманн 1975], П. Гржибека [Grzybek 1984], [Grzybek 2000], Н. Норрика [Norrick 1985] и др.

В XX отмечается появление систематизированных научных работ, посвященных различным аспектам лингвистического изучения паремий: синтаксического строя (П.Т. Глаголевский, А.Н. Шрамм, И.А. Филипповская, З.К. Тарланов, В.В. Чернышев, Л.П. Даниленко, М.М. Чернецкая), лексики (В.П. Фелицына, Э.В. Федорова), логической структуры (Г.Л. Пермяков), семантики (А.А. Крикманн, Ю.Е. Прохоров, С.В. Сидорков, Л.Б. Савенкова, Н.В. Прекина), прагматического аспекта (Г.Д. Сидоркова, С.Б. Адоньева, А.Н. Рамазанова), стилистических особенностей (Т.Г. Бочина, Л.А. Морозова).

Широкое развитие получают и сопоставительные исследования паремий (Е.В. Иванова, С.Г. Воркачев, Е. Гурбиш, Г. Майстер, О.А. Дмитриева, Т.К. Корсанова, Т.А. Наймушина, Л.В. Гриченко и др.).

В начале XXI века исследовательский интерес распространяется на малоизученные малые жанры фольклора, одним из которых являются народные приметы. Отдельные статьи С.А. Токарева [Токарев 1983], Е.Г. Павловой [Павлова 1984], В.К. Харченко [Харченко 1991], [Харченко 1992а], [Харченко 1992б], А.Г. Булатовой [Булатова 1999], О.Б. Христофоровой [Христофорова 1998] послужили серьезным толчком для изучения НП с современных позиций лингвистики. Докторская диссертация Н.Н. Фаттаховой (2002 г.), посвященная исследованию семантико-синтаксических отношений в НП русского и татарского народов, является первым систематизированным исследованием примет. В монографиях Н.Н. Фаттаховой «Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках» (2002 г.), «Народные приметы в русском и татарском языках: семантико-синтаксические отношения» (2004 г.) представлен подробнейший анализ синтаксической структуры, семантического содержания, лексического наполнения русских и татарских народных примет с точки зрения лингвокультурологического подхода к объекту исследования. Ее учениками (А.М. Тарасовым, М.А. Кульковой, С.В. Тугановой, К.Р. Вагнер, М.И. Закировым) последовательно развивается идея об отражении в приметах этнокультурной специфики народа, что нашло соответствующее отражение в кандидатских диссертациях и монографиях указанных авторов (Н.Н.Фаттахова, А.М. Тарасов «Принципы структурирования атрибутивных отношения в русских и татарских народных приметах», 2005; М.А. Кулькова «Язык и природа: лингвистика немецких и русских народных примет», 2006; С.В. Туганова «Языковая картина мира русских и английских суеверных примет антропологической направленности», 2007 и др.).

Интерес к лингвистическому исследованию народных примет находит распространение и в некоторых работах других научных школ. Монография Т.С. Садовой («Народная примета как текст: Лингвистический аспект», СПб.,

2003 г.), а также докторская диссертация данного автора («Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста», СПб., 2004 г.) посвящены изучению фольклорной специфики русских народных примет с позиций лингвофольклористики и этнолингвистики. Т.С. Садовой обосновывается статус народной приметы как фольклорного текста, проводится типология текстов примет по содержательным признакам, анализируется логическая структура примет. В кандидатской диссертации Н.Н. Ивановой («Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы», Псков, 2005 г.) изучаются языковые свойства и этнокультурный фон примет, выявляется функциональная специфика примет на фоне пословиц и поговорок.

В Белгороде помимо упомянутых статей известного ученого В.К. Харченко появляется ряд новых и весьма ценных работ по изучению языка русских народных примет (например, кандидатская диссертация Е.Е. Тонковой «Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии», 2007 г.; монография В.К. Харченко и Е.Е. Тонковой «Лингвистика народной приметы», 2008 г.). Пристальному вниманию авторов подвергаются формально-грамматические и функциональные особенности примет, описываются персонификация и концептосфера паремий, анализируется лингвоэстетическое своеобразие народных примет и поверий в художественном дискурсе.

Активное развитие фольклористики в XX веке привело к появлению отдельных сборников малых фольклорных жанров, серьезное место среди которых занимают сборники народных примет, например, С.Н. Жарков «Народные приметы и предсказание погоды» [Жарков 1954], А.Н. Стрижев «Календарь русской природы» [Стрижев 1968], Н.А. Мустаев «Народные приметы: Хотите – верьте, хотите – проверьте» [Мустаев 1987], А.Т. Лютин, Г.А. Бондаренко «Народное наследие о приметах погоды» [Лютин, Бондаренко 1993], О. Торпакова «Приметы на каждый день» [Торпакова 1996], В.А. Степанов «Народные приметы о погоде» [Степанов 1997], Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев «Энциклопедия русских примет» [Грушко, Медведев 2003], И. Чернова «Приметы древних славян» [Чернова 2006] и др.

Среди современных сборников немецких примет следует назвать в первую очередь книги А. Гаузера [Hauser 1973], И. Шлеер [Schleer 1986], Р. Гратцер [Gratzer 1986], Г.-П. Баар [Bahr 1988], Х. Мальберга [Malberg 1989], Д.-М. Брандт [Brandt 1993], К. Меш [Mesch 1994], Ф. Ау [Au 1997], С. Ланге [Lange 1997], К. Габерстич [Haberstich 1997], А. Остена [Osten 1998], Г. Гадденбаха [Haddenbach 1998], Г. Копф [Kopf 1998], К. Килиан [Kilian 1999], Э. Биндера [Binder 2000], Х. Костенцер [Kostenzer 2003] и др.

Новым этапом в развитии паремиографии примет становится появление сборников паремий различных народов (Н.Н. Фаттахова, М.А. Кулькова «Русско-немецко-татарский словарь народных примет», 2006 г.; С.В. Туганова «Словарь русских и английских антропологических примет», 2009 г.). В соответствии с традициями отечественной паремиологической практики ведущим принципом подачи материала в данных словарях является тематический принцип в соответствии с гнездовой принадлежностью к

стержневым словам соответствующих лексико-грамматических групп. По мнению Н.Ф. Алефиренко, дву- и многоязычные паремиологические сборники «не только знакомят читателя и исследователя с паремическими фондами различных языков, но и позволяют увидеть сходства и различия в образе мыслей данных народов» [Алефиренко 2009: 320].

Таким образом, рассмотрев истоки, а также осветив историю и основные тенденции сбора, классификации и изучения паремий отечественными и зарубежными исследователями, мы можем говорить о чрезвычайно богатом и разнообразном как с тематической, так и с хронологической точек зрения материале, каким являются паремиологические единицы, и народные приметы, в частности.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: Уч. пос. для бакалаврского уровня филологического образования. М., 2009.
2. Богородицкий В.А. Психология поэтического творчества: Публичная лекция. Казань, 1900.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Предисловие // В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1903. С. IV-XI.
4. Бочина Т.Г. Проблемы изучения народного творчества в трудах казанских ученых XIX века // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Казань, 2003. Т. 1. С.12-14.
5. Будде Е.Ф. Мифический элемент в русской народной словесности. Вып. 1. Воронеж, 1885.
6. Булатова А.Г. Погодные приметы. Дальние и ближние метеорологические прогнозы // А.Г. Булатова. Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 108-134.
7. Буслаев Ф.И. Русский быт и пословица // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.1. СПб., 1861. С. 78-136.
8. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских примет. М., 2003.
9. Жарков С.Н. Народные приметы и предсказание погоды. М., 1954.
10. Крикманн А.А. К проблематике исследования содержания и мировоззрения пословиц. Автореф. дис. ... канд. филол. н. Таллинн, 1975.
11. Крушевский Н.В. Заговоры как вид русской народной поэзии. Варшава: Типография И. Носковского, 1876.
12. Кулькова М.А. Герменевтика народной приметы: когнитивно-прагматический аспект изучения: Монография. Казань, 2011а.
13. Кулькова М.А. Когнитивно-смысловое пространство народной приметы: автореф. дис. ... д-ра филологических наук. Казань, 2011б.

14. Лютин А.Т., Бондаренко Г.А. Народное наследие о приметах погоды: Календарь. Саранск, 1993.
15. Мустаев Н.А. Народные приметы: Хотите верить, хотите – проверьте? Казань, 1987.
16. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет / Е.Г. Павлова // Паремнологические исследования. М., 1984. С. 294-299.
17. Степанов В.А. Народные приметы о погоде (в четырех сезонах). Казань, 1997.
18. Стрижев А.Н. Календарь русской природы. М., 1968.
19. Торпакова О. Приметы на каждый день. М., 1996.
20. Токарев С.А. Приметы и гадания // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 55-67.
21. Фаттахова Н.Н., Кулкова М.А. Народные приметы в разноструктурных языках. М., 2013.
22. Харченко В.К. Народные приметы в русской и национальной культуре // Русский язык и литература в киргизской школе, 1991. № 1. С. 52-55.
23. Харченко В.К. Язык народной приметы / В.К. Харченко // Русский язык в школе. М., 1992а. № 1. С. 78-82.
24. Харченко В.К. Народные приметы в художественном тексте // Слово и предложение в структурно-семантической организации текста. Липецк, 1992б. С. 20-23.
25. Христофорова О.Б. К вопросу о структуре приметы // Arbor mundi = Мировое дерево. М., 1998. Вып. 6. С. 30-47.
26. Чернова И. Приметы древних славян. М., 2006.
27. Au F.v. Bauernregeln und Naturweisheiten München: Cormoran, 1997.
28. Bahr H.-P. Wetterregeln mir immerwährendem Kalendarium. Leipzig, 1988.
29. Bauern- und Wetterregeln. 2. Auflage. Stuttgart, 2003.
30. Brandt D.-M. Heilige Helfer für Winzer und Wein. Ein Kalenderbuch über Heiligenlegenden, Wetterregeln und Bauernsprüche, Weinwunder und Volksbrauch, Kunst- und Kirchengeschichten. Würzburg, 1993.
31. Dundes A. Analytic Essays in Folklore. The Hague, 1975.
32. Gratzner R. Kalter Stern und neuer Mond: Holzregeln, Mondjahr und Bauernpraktikum im Alpenraum. Klagenfurt: Heyn, 1986.
33. Grzybek P. Überlegungen zur semiotischen Sprichwortforschung // P. Grzybek (Hrsg.). Semiotische Studien zum Sprichwort. Simple Forms Reconsidered I. 1984. S. 295-344.
34. Grzybek P. Permjakovs Grammatik der sprichwörtlichen Weisheit // P. Grzybek (Hrsg.). Die Grammatik des sprichwörtlichen Weisheit von G.L. Permjakov. Mit einer Analyse allgemein bekannter deutscher Sprichwörter. Hohengehren, 2000. S. 2-38.
35. Haberstick K. Bauernregeln im Jahreslauf / Zusammengestellt von K. Haberstick. Herisau, 1997.
36. Haddenbach G. Mit Bauernregeln durch das Jahr. Niedernhausen / Th., 1998.

37. Hauser A. Bauernregeln. Eine schweizerische Sammlung mit Erläuterungen. Zürich u. München: Artemis Verlag, 1973.
38. Die schönsten Bauernregeln / hrsg. von Christa Kilian. Köln, 1999.
39. Kopf H. ... oder es bleibt, wie es ist!: Wetter- und Bauernregeln. Freiburg, 1998.
40. Kostenzer H., Kostenzer O. Alte Bauernregeln. Rosenheim, 2003.
41. Lange S. Steht die Sonne auf Stippen...: Eifeler Bauernregeln und volkskundlicher Wetterglauben. Aachen, 1997.
42. Malberg H. Bauernregeln. Berlin, 1989.
43. Mesch K. Ein Narr ist, wer sich für jede Maus eine Katze hält. Hildburgshausen, 1994.
44. Mieder W. Wetterspruchwort (Bauernregel) // L. Röhrich, W. Mieder. Sprichwort. Stuttgart, 1977. S. 7-10.
45. Mieder W. American Proverbs. A Study of Texts and Contexts. New York: Peter Lang, 1989.
46. Mieder W. Proverbs: A Handbook. Westport, 2004.
47. Norrick N. How Proverbs Mean: Semantic Studies in English Proverbs. Berlin, 1985.
48. Osten A. Leben nach Bauernregeln. Wien, 1998.
49. Schleier I. Bauernregeln und Wettersprüche. Weilheim, 1986.